

Израсходовав остатки духовной энергии, Лу Гуйсюэ добил демонического зверя, умелым движением извлёк его ядро и убрал в пространственный рукав.

Он не осмелился потратить ни капли силы даже на простейшие очищающие чары, чтобы смыть с лезвия тёмную кровь. Духовная энергия в его теле неумолимо таяла и к рассвету должна была иссякнуть окончательно, а ведь ему ещё предстояло доставить учеников в безопасность.

Вложив меч в ножны, Лу Гуйсюэ наблюдал, как из глубокой расщелины в скале поочерёдно выбираются перепуганные юноши. Осмотрев раненых, он раздал им пилюли, останавливающие кровь и исцеляющие плоть.

Шэнь Лоухань вышел последним. Наклонив голову, он прятал лицо в ночной тени, отчего весь его облик казался мрачным и отстранённым.

Чуя, что дело плохо, Лу Гуйсюэ решил немедленно исправить положение и тихо окликнул его:

— А-Хань, подойди.

Услышав это имя, Шэнь Лоухань поначалу даже не понял, что обращаются к нему.

— А-Хань, — мягко и терпеливо повторил Лу Гуйсюэ.

Шэнь Лоухань ни за что не признался бы, но в то мгновение, когда до него дошёл смысл сказанного, в его душе вспыхнул дикий, противоречивый ураган. Изумление переплелось с непониманием, а ликующая радость — с едкой, отравляющей завистью.

Подобное обращение не казалось чем-то из ряда вон выходящим в отношениях наставника и ученика. Однако для Шэнь Лоуханя звучало оно до боли непривычно: Лу Гуйсюэ никогда — ни разу за всю прошлую жизнь — не проявлял к нему подобной нежности.

Поджав губы, Шэнь Лоухань поднял глаза на учителя и медленно сделал шаг вперёд.

— Прости. Меня задержали дела, и я пришёл слишком поздно, — произнёс Лу Гуйсюэ. Извлеки из пространственного рукава баночку с целебным снадобьем, он вложил её в ладонь юноши. — Втирай это в рану на руке утром и вечером. Через три дня от пореза не останется и следа.

— Благодарю, учитель, — откликнулся Шэнь Лоухань, вновь опуская голову.

Он успел вымокнуть под проливным дождём в Малом мире Холодного Утёса; тёмные пряди липли к щекам, и с них всё ещё стекали холодные капли.

Лу Гуйсюэ уже протянул руку, намереваясь отереть воду с его лица, но юноша едва заметно качнулся назад, уклоняясь от прикосновения.

Замерши на мгновение, Шэнь Лоухань глухо проговорил:

— Учитель, я вытрусь сам. Не стоит пачкать ваши руки.

Лу Гуйсюэ прекрасно понимал: в это время их отношения были далеки от тёплых. Юноша попросту не привык к такой ласке, так что требовать от него немедленного расположения не стоило. Со временем, шаг за шагом, они сблизятся, и Шэнь Лоухань перестанет дичиться.

И всё из-за этой глупой Системы! Вспомни он о своем перерождении хоть немного раньше, мог бы сразу пойти по лёгкому пути, а не оказываться в столь затруднительном положении.

— Пойдёмте, я доставлю вас обратно, — обратился Лу Гуйсюэ к остальным и достал Белонефритовую ладью. Ученики взошли на борт, и артефакт взмыл в воздух.

Белонефритовая ладья стремительно пронеслась над аркой, ведущей из Малого мира Холодного Утёса, и устремилась к сияющим вершинам Цюншань.

Помимо Пика Нефритового Великолепия, принадлежавшего Бессмертному достопочтенному Юньланю, на горе Цюншань возвышались ещё шесть вершин, чьи владыки достигли стадии Зарождающегося Младенца и выше: Пик Собирания Звёзд, Пик Висячей Луны, Пик Бушующих Волн, Пик Туманной Дымки, Пик Песни Меча и Пик Вечных Осеней.

Они окружили главный пик, словно созвездия, почитающие луну. Если взглянуть с высоты птичьего полёта, подвесные мосты из облаков и лестницы, соединяющие вершины, складывались в безупречный правильный шестиугольник.

Юные ученики, чей уровень совершенствования был ещё слишком мал, никогда прежде не видели Цюншань с такой высоты, а потому восторженно ахали, разглядывая величественную картину.

Оставив в ночном небе серебряный росчерк, Белонефритовая ладья плавно опустилась на Террасу Синих Облаков.

Эта исполинская площадь, удерживаемая в воздухе древним магическим кругом, парила подобно острову в небесах. Расположенная между великой лестницей у подножия и Пиком Нефритового Великолепия, она служила местом проведения торжественных обрядов и являлась сердцем всех путей Цюншань.

Лу Гуйсюэ заранее отправил весточки на остальные вершины, прося прислать людей за учениками.

Очутившись на Террасе Синих Облаков, юноши оглядывались по сторонам: под ногами клубились облака, гулял прохладный ветер, и не было видно ни дерева, ни камня. Волшебство этого места заставило их забыть о пережитом в Малом мире страхе.

Лишь один юноша в чёрном одеянии стоял в стороне, чуждаясь общей радости. Красивое лицо Шэнь Лоуханя искажала глубокая, недетская печаль.

Он отошёл к самому краю резных перил, не желая ни с кем общаться.

Вглядываясь в ночную даль, он ощущал, как воспоминания, обрушившиеся на него в Малом мире, окончательно улеглись и сложились в ясную картину.

Шэнь Лоухань упорядочил их и с полной отчётливостью осознал: он переродился. Переродился из того дня, когда должен был взойти на престол Владыки Трёх Миров, в то самое время, когда только-только ступил на гору Цюншань.

Он посмотрел на свои руки. Совсем недавно эти пальцы отпирали дверь темницы, где томился исток его вечного, неизбывного демона разума — его учитель, Лу Гуйсюэ.

Едва коснувшись его, он до крови ранил душу о ядовитые шипы, но так и не смог вырвать их из своего сердца.

Не смог? Или не захотел?..

Тогда Шэнь Лоухань не успел найти ответ. Судьба совершила крутой поворот, перечеркнув всё.

И вот теперь перед ним простиралась Цюншань — та самая, древняя Цюншань, которую он ещё не успел повергнуть в руины.

Тогда Шэнь Лоухань не был внушающим страх Владыкой Демонов. Он был лишь зловецим мальчишкой низкого происхождения, замкнутым и обделённым талантами.

Будучи воплощением Древнего Владыки Демонов, он, разумеется, не мог обладать выдающимися способностями к пути бессмертия.

В тот год, проходя испытания у подножия Цюншань, он едва-едва дотянул до самого нижнего порога. Окажись среди кандидатов хоть пара способных юношей, его бы и на порог ордена не пустили.

Потому, впервые ступив на Террасу Синих Облаков, он дрожал от страха и не смел даже мечтать о высоком. Стать хотя бы безымянным учеником — и то было бы в сотни раз лучше его прежней нищенской жизни.

Тогда Лу Гуйсюэ казался ему недостижимой, сияющей луной на чистом небе, за которой с восхищением наблюдали тысячи глаз. Шэнь Лоухань мог лишь взирать на него издали, не дерзая коснуться и края его белоснежных одежд.

Но та луна сама сошла к нему с небес и спросила: «Хочешь ли ты стать моим учеником?»

Одной этой фразы хватило, чтобы тогдашний Шэнь Лоухань проникся безумной верностью и был готов без колебаний отдать за учителя жизнь.

Лишь потом, когда его заточили в Демоническую тюрьму, Шэнь Лоухань понял, почему Лу Гуйсюэ всегда оставался с ним холоден, как ледник. Понял, почему, сколько бы он ни старался, учитель не подарил ему ни единого тёплого взгляда, и почему безжалостно сослал его в Долину Небесного Отвержения.

Оказывается, Лу Гуйсюэ с самого начала распознал в нём демоническую кровь. С самого начала он приблизил его к себе лишь с одной целью — забрать его жизнь.

В тот миг Шэнь Лоухань осознал, что вся его жизнь была лишь жалким, смехотворным фарсом.

С какой силой он когда-то боготворил Лу Гуйсюэ, с такой же иступлённой яростью возненавидел его потом.

И эта ненависть не угасла даже после перерождения. Она клокотала на дне его души, требовала выплеска, призывала сбросить нынешнего Лу Гуйсюэ с его небесного престола прямо в грязную бездну, измазав его безупречные одежды нечистотами.

Шэнь Лоухань подавил закипающую в жилах тьму. В этой жизни он хотел своими глазами увидеть, какую игру ведёт его учитель.

— Ох, смотрите, кто это!.. — вдруг раздался изумлённый возглас среди учеников.

Все взоры мгновенно обратились к подножию Террасы Синих Облаков.

Из ночной тьмы, рассекая облака и оседлав ветер, сходил бессмертный с серебряными волосами и золотыми очами.

В небесах вспыхнули золотые сполохи, озарив площадь ярче дневного света. Давящая аура Великого Мастера оказалась настолько тяжела, что присутствующие боялись даже вздохнуть.

Обычные заклинатели путешествовали верхом на духовных зверях, управляли магическими артефактами или летали на мечях. Но те, кто достиг вершины бессмертия, не нуждались в опоре — они ступали по ветру и облакам так же легко, как по земле.

Таких бессмертных во всём мире можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Кто-то из учеников первым опомнился и радостно воскликнул:

— Это же глава нашего ордена, Бессмертный достопочтенный Юньлань!

Лу Гуйсюэ тоже заметил его. Не успел он сделать и двух шагов навстречу, как Юньлань уже оказался рядом.

— Учитель, почему вы здесь?

В строгом взоре Бессмертного достопочтенного проскользнула едва заметная беспомощная мягкость:

— Стоило мне отлучиться, как ты тут же помчался в Малый мир Холодного Утёса. Как я мог оставаться спокоен?

Лу Гуйсюэ смутился, почувствовав себя ребёнком, которого поймали за тайным проступком.

Вдруг перед глазами всё поплыло. Он сильно зажмурился, но приступ тошнотворного головокружения лишь усилился. К горлу подступила горячая волна, и тело бессильно покачнулось, теряя опору.

Шэнь Лоухань, стоявший у перил, порывисто сделал шаг вперёд, словно не контролируя собственное тело.

Он нахмурился, с досадой ощущая, как в этом ещё не сформировавшемся теле всё ещё живёт прежняя благоговейная преданность Лу Гуйсюэ, заставляющая его против воли рваться на помощь.

Но пройдя пару шагов, Шэнь Лоухань замер.

Он увидел, как Бессмертный достопочтенный Юньлань подхватил теряющего сознание Лу Гуйсюэ, бережно привлёк его к себе и с нежным беспокойством прошептал его детское имя:

— Сяо Сюэ, я заберу тебя домой.

Это была чужая, недоступная ему нежность. Чужая преданность, к которой Шэнь Лоухань не имел никакого отношения.

Сознание Лу Гуйсюэ угасало, перед глазами плыли туманные пятна.

Он знал: именно в это мгновение последние капли его духовных сил окончательно рассеялись.

Положение казалось отчаянным, но на душе у Лу Гуйсюэ стало странно легко.

В прошлой жизни он слепо и упрямо следовал написанному им же сюжету, веря, что это единственный верный путь. В итоге он довёл себя до истощения, так и не сумев сберечь то, что было ему дорого, и не увидев желанного финала.

Всё поглотила лютая снежная буря.

Возможно, в этой жизни ему не придётся нести такое тяжкое бремя.

Он лишь хотел, чтобы все эти люди остались живы, а созданный им мир продолжал существовать в мире и покое.

<http://bllate.org/book/20383/2106007>